

ЧТО В ОСНОВЕ ЗАМЫСЛА?

Прозаик, публицист, литературовед... Что еще можно добавить в этот перечень литературных «специальностей», чтобы полно охарактеризовать творческую деятельность Сергея Залыгина? В данном случае, впрочем, вполне можно ограничиться одним словом: писатель. В том, изначальном его определении, которое вбирает в себя и знание жизни, и стремление нести добро людям, и живое творческое воображение, и собственно литературное мастерство.

О времени, о жизни, о творчестве — наша беседа с лауреатом Государственной премии СССР, секретарем правления Союза писателей РСФСР С. П. Залыгиным.

— Сергей Павлович, ваши первые книги рассказов, очерков появились, когда вы были уже человеком сложившимся, инженером, научным работником. Каковы связи между вашей научной и литературной работой?

— Думаю, что в моем литературном творчестве нет прямой переключки с научными интересами. Я вообще очень мало пользуюсь автобиографическим материалом — есть у меня один рассказ из школьных времен, да еще использован один эпизод — пожар в самолете, реальный случай во время моей работы в Заполярье. Вот и все. Люблю работать не памятью, а воображением. Хотя помню множество интересных случаев, но это скорее для устных рассказов, в разговорах... И все-таки не могу сказать, что научное, техническое мышление ничего не дали мне для литературы. Общий жизненный опыт всегда сказывается, но, повторю, сказывается в целом, не в деталях. Что дали мне продолжительная научная работа, экспедиции, изыскания — это дисциплина мышления и работы. В частности, этим я объясняю, что много занимаюсь чисто литературоведческой стороной нашего дела. Когда я прочитываю книгу, мне важно не только воспринять ее в целом, но и разобраться в «технологии», понять, как это сделано.

— Сергей Павлович, ваши произведения «Комиссия», «Соленая падь», «На Иртыше» можно рассматривать как звенья единого повествования о сибирской деревне, сибирском крестьянстве в переломные, ключевые моменты истории. Как складывалось повествование? Существовал ли с самого начала единый замысел? Считаете ли вы свою задачу выполненной?

— Вы назвали мои книги, сообразаясь с исторической хронологией: время действия «Комиссии» — 1918 год, «Соленой пади» — 1919-й, «На Иртыше» — 1931-й. Но написаны они были не в такой последовательности. Первой появилась повесть «На Иртыше» — 1964 год, потом «Соленая падь» — 1967-й, и только в 1975-м — «Комиссия».

Могу сказать, что общего замысла у меня не было. Вообще не уверен, что писателю нужно создавать программу на столь долгие сроки. Замысел художественного произведения — явление неуловимое и необъяснимое. В основе любого замысла — случай. Это может быть эпизод, когда-то врезавшийся в память, какой-то поразивший тебя факт или документ, на который ты наткнулся, работая совсем над другой вещью...

Почему была написана повесть «На Иртыше»? Наверное, потому, что постоянно чувствуешь обязанность обращаться к главным событиям народной жизни. Для меня важнейшими событиями в жизни были револю-

ция, коллективизация, война, которые так или иначе сказались на судьбе каждого из нас. Коллективизация в Сибири происходила на моих глазах. Именно причастность к этому событию и побудила меня к созданию повести.

В замысле «Соленой пади» тоже сказались личные воспоминания. Переход города Барнаула от белых к красным запомнился на всю жизнь. Я никогда не скрывал, что главный герой романа Ефрем Мещеряков списан с Ефима Мамонтова — одного из руководителей партизанского движения на Алтае. Фамилия мной изменена, чтобы не принимать на себя обязанности строго следовать всем историческим деталям. Мамонтова я хорошо помню. Помню, как его встречали в Барнауле, вместе с мальчишками я протиснулся вперед и видел совсем близко: он в кожаной куртке, на коне, с саблей. И это не лубок, так и было.

История этого периода меня очень заинтересовала. Работая над «Соленой падью», я собрал огромный материал. В романе использована едва ли десятая его часть. Среди оставшихся были и документы Лесной Комиссии, которая действовала в восемнадцатом году в одном из сибирских сел. Так возникла впоследствии «Комиссия». Некоторые протоколы ее, «законы», которые она принимала, я привожу в романе почти дословно.

Эти три произведения связаны между собой и исторически, и стилистически. Объединяют их и поиски моих героев, общие для всех трех вещей, стремление к справедливому и разумному устройству жизни.

Я не думаю, что вернусь к этой теме. На мой взгляд, вся литература, которую называют деревенской (некоторые критики причисляют к ней и мои романы), сказала о деревне того прошлого времени достаточно. Сейчас перед этой литературой уже другие задачи, и решать их будут, может быть, уже не Белов, не Распутин, не Астафьев, а другие — следующее поколение писателей. Это будет и другой стиль, и другое мышление, так как мышление современного деревенского жителя уже не такое, каким было еще совсем недавно, хотя бы в 50-е годы. Нынче

и другие средства производства, и другой порядок жизни. Признания прежней деревни уходят, возникла новая действительность. И надо вырасти в этой среде, чтобы передать мышление и образ жизни новой деревни...

— Вами написаны очень разные произведения. Достаточно сравнить, скажем, «На Иртыше» или «Комиссию» и «Южноамериканский вариант». Как вы сами могли бы объяснить обращение к столь разным пластам действительности?

— Вообще я не стремлюсь объяснять самого себя. Это занятие малоинтересное. Но если вопрос возникает, он объясняется, помоему, очень просто, даже примитивно. Дело в том, что если я отдыхаю от литературы, то отдыхаю в литературе же. Поэтому я всегда пишу две-три вещи одновременно и, работая над одной, отдыхаю от другой. И чем более эти вещи разнятся, тем отдых ошутимее. Если где-то в тексте дело застопорилось, не идет, я не так уж упорно продолжаю искать, а откладываю страничку в сторону и занимаюсь другой вещью. Этот прием почти всегда себя оправдывает. Возвращаясь потом к отложенной страничке, я гляжу на нее уже другими глазами и проще нахожу нужное решение. Правда, когда большая вещь, роман близится к завершению и представление о героях и коллизиях сложилось окончательно, я уже не прерываю работу и ни на что другое не отвлекаюсь.

— Как вы считаете, каким из ваших произведений читатель отдаст предпочтение?

— Прежде всего вообще об отношениях с читателями. Я никогда не рассчитываю на очень широкий их круг и не представляю себя писателем, который очень уж популярен. Это меня не огорчает. Я понимаю, что пишу довольно сложно, и тот читатель, который ищет в литературе только отдыха и развлечения, читать меня не будет. Я бы не сказал, что у меня обширная корреспонденция, тем не менее читатели пишут, и среди писем встречаются интересные. Когда человек рассказывает что-то о себе, когда ему хочется поговорить со мной как с собеседником — это значит моя книга вызвала в нем чувство общности, желание поделиться со мной мыслями о жизни, о литературе.

Что касается моих книг, которыми читатели отдают предпочтение, то, судя по откликам, четыре-пять из них идут примерно на равных. Больше других знают «Соленую падь», которая издавалась чаще других произведений. Но не так уж и тут велика разница с «Комиссией», «На Иртыше», с «Южноамериканским вариантом» — ко всем этим книгам примерно одинаковый интерес. Что касается других — эссе о Чехове, романа «Тропы Алтая» и так далее, их читатели знают значительно меньше.

— А как вы относитесь к тому, что о вас пишут литературоведы? О вас ведь много пишут, вышло несколько книг о вашем творчестве...

— Как отношусь? Вы знаете, при чтении такого рода трудов надо как-то отрешаться от мысли, что это написано о тебе, и только тогда это приобретает именно тот смысл, который вкладывал в свою работу автор. Тогда можно прочесть и самое интересное — то, что сам о себе, о своих произведениях не знаешь...

— Вы проявляете постоянный интерес к прозе молодых. В свое время одним из первых писали о Распутине, Крупине, Белове, Личутине,

ставших теперь очень известными писателями... Что, на ваш взгляд, должно быть определяющим в отношении к молодым?

— Я действительно много занимаюсь творчеством моих более молодых коллег. Писателя узнаешь по публикациям. Не меня должен разыскивать молодой писатель, а я сам должен его найти. Пусть он сначала заявит о себе книгой, и тогда уже можно вести с ним профессиональный разговор. Я люблю региональные совещания молодых, когда съезжаются люди из десяти-двадцати областей, уже что-то сделавшие. Вот среди них всегда находятся интересные писатели. Я не думаю, что, работая с молодыми, можно поднять уровень их произведений. В таких встречах мы развиваем то, что я называю культурой литературного мышления. Так я работал, и веду семинар в Литературном институте, так провожу и совещания с молодыми.

Кстати, очень интересным обещает быть совещание, которое мы собираемся провести по Российской Федерации в 1985 году. Мы назвали его «Проза сорокалетних» — то есть ровесников Победы. Это очень важно и нужно, потому что, если авторы первых книг не могут пожаловаться на недостаток внимания к ним, то вторые и последующие книги чаще остаются совершенно вне поля зрения критики.

— Мы, собственно, уже говорим о ваших общественных обязанностях. Их так много. Как вы справляетесь с ними?

— Знаете, я и сам себя иной раз ругаю, зачем принимаю на себя столько обязанностей и обязательств, тем более что многие придумываю сам. Ни одна обязанность не была мне кем-то навязана, все — мною самим. Но, как ни трудно бывает порой, без такой работы очень скучаю.

Ну вот уже больше семи лет я председатель совета по латышской литературе. Пишу о писателях Латвии, часто встречаюсь с ними. И мне эта работа много дает — сравнение культур, литератур разных народов обогащает, помогает лучше понимать единый литературный процесс. И дружбой с латышскими я очень дорожу.

Ежегодно делаю обзоры венгерской прозы, вышедшей на русском языке. На мой взгляд, это очень сильная проза, в ней меня привлекают строгий, выверенный лаконизм, часто на грани документа, точное построение сюжета... С увлечением занимаюсь этим делом. Бывая в Венгрии, выступаю там перед студентами-филологами: тема моих выступлений — венгерская литература глазами советского читателя. По тамошнему телевидению прошло несколько моих бесед с венгерскими писателями и читателями. Еще я председатель общественной редколлегии серии «Из наследия», которую издает издательство «Современник». Я был инициатором этой серии и пользуюсь случаем, чтобы обратить на нее внимание любителей литературы. Серия знакомит нашего читателя с полузабытыми авторами. Это не тот ряд, который составляют Толстой, Достоевский и другие классики, тем не менее они все вместе сыграли большую роль в русской литературе и культуре. Среди наследия этих писателей есть прекрасные произведения, забытые только в силу нашего литературного богатства. Например, известен роман Ф. М. Решетникова «Подлиповцы», но совершенно не издавалась прекрасная повесть «Между людьми» — о

судьбе писателя-разночинца, во многом автобиографическая. Первым томом серии стала книга произведения Сергея Терентьевича Семенова с моим предисловием к этому тому и ко всей серии. Второй том — Александр Эртель, третий — Илья Салов. Еще раз хочу подчеркнуть — тот, кто собирается всерьез заниматься литературой, должен предоставлять ее себе в наиболее полном объеме.

В Союзе писателей РСФСР я возглавляю совет по прозе. Это чрезвычайно интересная работа. За последние пять-шесть лет мы выезжали в Оренбург, Сыктывкар, Казань, Ижевск, Петрозаводск, Мурманск... Обсуждали творчество местных поэтов, встречались с читателями. Особенно впечатляющими были поездки в Мурманск, встречи с военными моряками. В состав группы входили тогда Астафьев, Распутин, Белов, Потанин, Ким, Кузнецов, критики Гусев, Коробов...

Хочу сказать и о недавнем событии, под впечатлением которого продолжаю находиться. Это научная конференция, посвященная 55-летию со дня рождения Шукшина, организованная Ленинградской писательской организацией и кафедрой советской литературы ЛГУ, которую возглавляет профессор Л. Ершов. Были очень интересные доклады. Например, доклад профессора А. Королькова, посвященный философско-эстетическим взглядам Шукшина. Доклады перемежались кадрами из кинолент самого Шукшина и фильмов о нем. Артисты читали произведения Шукшина. Эту конференцию наполняли не только научное, но и большое эмоциональное содержание. Приехали из Алтая земляки писателя, его товарищи по службе на флоте. Многие были выполнены на общественной основе — огромная фотозапись, исполненная художником А. Пантелеевым, любительские и профессиональные фильмы о Шукшине, его родном селе Сроствах. Выступающие рассказывали о музеях Шукшина (созданных любителями в городе Серове на Урале, в Искитиме под Новосибирском, в одной детской исправительной колонии)... Я таких встреч не видел за всю свою жизнь! Жаль, что актовый зал филологического факультета ЛГУ не мог вместить всех желающих. Конференция продолжалась два дня, и многие все это время прождали на ногах. Такие встречи имеют огромное значение. Если мы будем говорить о том, что действительно интересует людей, это всегда вызовет и ответный отклик — люди будут больше приобщаться к искусству, к литературе.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Недавно закончил роман «После бури» — вторую часть. С первой читатель уже знаком, она издана книгой и в «Роман-газете». Пишу несколько небольших рассказов, заканчиваю обзор венгерской прозы, опубликованной у нас в 1983 году. Опять собираюсь ехать в Венгрию. Может быть, поеду в Милан на конференцию по Чехову...

Тут мне хочется напомнить, что Сергей Залыгин — автор интереснейшего эссе «Мой поэт», издававшегося много раз и в нашей стране, и за рубежом. В нем Чехов предстает как «самый тонкий знаток нравственного кодекса, самый неустанный его исполнитель». Автор эссе показывает, как в произведениях Чехова проявились черты его личности, и особенно подчеркивает такое качество характера Чехова — «для существования ему необходима была деятельность». Не случайно это так импонирует Сергею Залыгину. Он и сам не мыслит для себя существования вне деятельности.

Беседу вел
М. ИСКОЛЬДСКАЯ.